

А. И. Чепель

СТАНОВЛЕНИЕ ШВЕДСКО-РУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

В 1617 году, когда по Столбовскому миру Швеция получила русские земли, населенные преимущественно православными, Стокгольм стал искать решение непростой задачи: как примирить принцип конфессиональной шведской политики, предполагавший монополию лютеранского вероисповедания на всей территории государства¹, с религией новых подданных шведской короны?

Учитывая стремление обеих стран к мирному сосуществованию и даже к военно-политическому союзу², шведскому правительству следовало действовать с оглядкой на Москву. С точки зрения представителей русских духовных и светских властей, общение с людьми иных вероисповеданий губительно для души православного человека³, поэтому передача значительного числа православных под юрисдикцию лютеранского государства была не только политическим поражением. Попытка русских дипломатов в ходе переговоров, предшествовавших подписанию Столбовского мира, добиться разрешения вывести все православное население в русские пределы не увенчалась успехом. Шведы руководствовались здесь в первую очередь прагматическими соображениями. Стремясь предотвратить запустение земель, они отказались отпускать крестьян, а также православных священников, резонно полагая, что вслед за духовенством в Россию потянутся и прихожане. Ведь в православной традиции отношения священника и его паствы развивались в рамках так называемой покаянной семьи — людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. При этом связь духовника со своими духовными детьми подразумевала непосредственное религиозно-нравственное и жи-

тейское общение⁴. Поэтому, чтобы предотвратить ситуацию, при которой духовники и паства могли бы оказаться по разные стороны границы, в Столбовском мирном договоре было записано, что крестьянам и священникам «строжайше запрещается покидать место жительства», и они «должны оставаться на месте и жить под властью шведской Короны»⁵.

В России в этот период стало расти недоверие к представителям других вероисповеданий. С 1620-х годов значительно усилилось скрытое давление, подталкивавшее живших в России иностранцев к переходу в православие, и этот переход происходил только через перекрещение. Отказ от православия являлся серьезнейшим государственным и церковным преступлением, а выезд из государства для новообращенных оказывался невозможным. Особенностью русского законодательства того времени было также сопоставление значений таинства крещения и присяги царю, поэтому отрезанных границей единоверцев в Москве могли рассматривать по-прежнему как царских подданных⁶. Таким образом, население отданных Швеции русских земель поневоле оказалось между двух огней. Москва и Стокгольм начали борьбу за умы и души жителей приграничья, и это противостояние существенно осложняло ситуацию в порубежных областях.

В ходе переговоров шведы дали гарантии русской стороне не препятствовать отошедшим под власть шведской короны православным в отпращивании религиозных обрядов по их обычаю. Оказавшиеся на шведской территории православные священники получили право посещать по религиозным надобностям Великий Новгород. В 1618 году новгородский митрополит Исидор пытался повлиять на них. Он проклинал их, обвинял в нерешительности. Дескать, почему они не ушли в русские земли, ведь, «смотря на них, и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались»⁷. Такой призыв митрополита в корне противоречил статьям Столбовского мира и создавал напряженность, недоверие в отношениях митрополии и зарубежного духовенства, оказавшегося вне православного царства не по своей доброй воле. Отторжение со стороны русской церковной власти играло на руку шведам, давая им возможность на уровне дипломатических контактов демонстративно заступаться за своих православных подданных, увеличивая тем самым шансы воздействовать на священников в выгодном для интересов лютеранства направлении.

Шведская администрация уже в первые годы после подписания Столбовского мира стала активно привлекать порубежное духовенство к проведению мероприятий, направленных на упрочение власти Стокгольма в при-

границе, и находила отклик среди священнослужителей. Так, в 1620 году на территории шведской Ингерманландии местный дьячок попытался силой привести к присяге шведскому королю оказавшегося в этих местах новгородца⁸. Также для удержания на своей территории православных крестьян шведам необходимы были именно русские православные землевладельцы, которые сохраняли бы русские обычаи и нравы, и эту роль стали играть так называемые «русские бояре», служившие шведской администрации еще в Смутное время и оставшиеся на шведской территории после Столбовского мира. Шведские правящие круги осознавали, что дарование земель, населенных в основном православными крестьянами, помещикам с чужой для крестьян верой, чужим языком, чужими обычаями, будет способствовать уходу населения в царскую сторону⁹.

Таким образом, несмотря на кардинальные меры, направленные на обращение православных в лютеранство, шведские власти были все же заинтересованы в сохранении православных приходов, преследуя прагматические цели. О конкретных мероприятиях шведской администрации в этом направлении повествует следующий эпизод. Сразу после Столбовского мира некий Родион Лобанов получил от шведского короля грамоту на владение землями в Кексгольмском лене. Вскоре за преданную службу владения Лобанова были расширены, при этом он остался в православной вере. Благодаря этому православная церковь на вверенных ему территориях продолжала действовать, по крайней мере, до 1660-х годов¹⁰. Верный шведской власти чиновник оказался стойким приверженцем православия, и шведская администрация не посчитала нужным жертвовать сохраняемой во многом усилиями Лобанова лояльностью местного населения.

Сохранение православных приходов помогало шведам не только удерживать бывших царских подданных, но и привлекать на свои земли нынешних подданных православного монарха. В 1626 году из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова, которая вышла замуж за подданного шведского короля. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку, за нее вступился шведский комендант. Говоря о рождении новой православной семьи, комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их»¹¹.

Если с наличием православных приходов во владениях короны шведам приходилось мириться, то совершенно лишним, с точки зрения лютеран, было существование монастырей. Монахи обвинялись в различных пороках, их называли бездельниками, не приносящими никакой пользы¹², и Столбовским договором всем монахам дозволялось покинуть шведские

пределы. Несмотря на это разрешение, монастыри в отошедших к Швеции русских землях остались¹³. Какую политику проводили шведы в отношении монастырей? Например, в 1624 году русские власти обвинили шведов в том, что православным шведским подданным, «чернецам и попам и мирским в православной вере утеснение, и церквей им строить и вновь ставить невольню, и многие церкви заперты и запустели и службы в них нет»¹⁴. Учитывая отношение шведов к институту монашества, шведские власти, вероятно, не препятствовали запустению монастырей. Этому процессу, очевидно, способствовало лишение монастырей какой-либо материальной поддержки. Отсюда — их упадок, приводивший, в свою очередь, к закрытию обителей и миграциям монахов. В 1642 году после смерти последнего монаха Елисеевского монастыря, расположенного неподалеку от Ивангорода, шведские власти конфисковали монастырское имущество, в том числе богослужебные книги, что вызвало протесты православных, которые, несмотря на то что монастырь был почти разрушен, регулярно собирались там на свои праздники¹⁵. Такое безразличие властей к монастырям было непривычно для насельников. Но так ли прямолинейно было отношение шведов к инокам? В 1621 году Иона, игумен Озерского монастыря, находящегося в контролируемом шведами Гдовском уезде, сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией: «И тот озерский игумен знаетца на Ивангороде и во Гдове с немецкими приказными людьми <...>. Да у игумена <...> был на пиру гдовский державец и приказные немцы»¹⁶. Очевидно, декларируемая шведскими властями неприязнь к монахам не всегда напрямую влияла на реальные взаимоотношения приграничной шведской администрации с иноками.

Шведы полагали, что православные — это «бедный и слепой народ, однако христианский и в основе согласный с нами», и русские «с Божьей помощью и стараниями его королевского величества» будут, в конце концов, выведены «из ужасающей тьмы». Но как это сделать? Прямое насилие здесь совершенно не подходило. На шведской стороне преобладало мнение, что к лютеранской вере следует приводить не силой, а убеждением, и все же король как христианский государь был обязан использовать свою власть, чтобы истинное вероучение без помех проповедовалось среди его подданных¹⁷.

Шведские власти взяли курс на просвещение новых подданных своего короля, стали доказывать им преимущества лютеранства перед православием. Кто мог послужить проводником лютеранских идей? Естественным образом на эту роль были выбраны приходские священники. Здесь было

два пути. Во-первых, тем из них, кто был готов проповедовать лютеранское вероучение среди прихожан по переведенному на русский язык катехизису, полагались определенные льготы¹⁸. Во-вторых, на место умерших священников старались подбирать лояльных шведской власти пастырей, изначально настроенных на «лютеранскую волну». В 1622 году шведский король Густав II Адольф запретил замещать умерших православных священников выходцами из России. Для службы в приходах предписывалось отобрать наиболее способных к пастырской деятельности русских или знающих русский язык финнов и следить за тем, чтобы они изучали основы лютеранской веры и могли читать Библию по-русски. При этом, хотя строжайше запрещались нападки на православных, все-таки было объявлено, что православные обязаны посещать лютеранские церкви и слушать проповеди. Шведы планировали также либо создать на шведской территории собственную православную митрополию, либо посвящать священников в сан в какой-либо существующей митрополии, находящейся вне пределов Московского государства. Такой линии шведское правительство продолжало придерживаться и в дальнейшем. В 1640 году канцлер Аксель Оксеншерна заявил представителям шведской церкви: «Поскольку мы из-за договора с великим князем не можем силой меча принудить их [православных] к нашей религии, и не собираемся прибегать к подобным мерам также и потому, что так не поступают исповедующие евангельское учение — не принуждают [чужую] совесть, мы потребовали от них только, чтобы они не ездили в Москву и не позволяли посвящать там себя в сан»¹⁹.

Возможно, стремление оторваться от России в церковных делах и заменить прежних священников новыми диктовалось не только вполне закономерным желанием поставить бывших царских подданных под контроль лояльных новой власти пастырей, но и недостаточным количеством грамотных русских священников. Ведь, чтобы проповедовать лютеранское вероучение, было совершенно необходимо уметь читать. Что с того, что шведы позаботились о переводе катехизиса на русский язык? Из-за отсутствия в России какой-либо системы образования неграмотные приходские священники не были редкостью²⁰. Складывалась ситуация, когда использовать этот перевод для систематической проповеди своим прихожанам прежние священники зачастую попросту не могли.

Сумели ли шведы путем ротации кадров создать сеть православных по форме приходов, где «в мягкой форме» проповедовалось бы лютеранство? Время показало, что массово просветить православных в лютеранском духе не удалось: в 1641 году шведские власти были вынуждены констати-

ровать, что «никто из русских не обращается в нашу истинную религию, но, напротив, многие финны принимают русское идолопоклонство и отпадают от веры»²¹. При этом отказ привлекать духовенство из России только обострил проблему нехватки православных священников в шведских владениях. В 1650 году с русской пограничной заставы на реке Лавуе было получено сообщение, что «зарубежские с Свейские стороны крестьяне русские люди, которые живут поблиско рубежа, просятца на царскую сторону для отцов духовных»²².

Как шведские православные могли решить проблему нехватки духовенства в условиях, когда официально приглашать священников из России запрещалось? Пользуясь проницаемостью границы, можно было уйти за рубеж, в православное Московское царство. Можно было все-таки пригласить священника из России, но в обход шведских властей. Здесь помогало то обстоятельство, что в Московском государстве существовали переходные священники, которые нанимались служить на любых подходящих условиях как для исполнения определенных служб, так и на какой-либо срок в церковь²³. О регулярности таких переходов красноречиво говорят претензии шведов, высказанные на переговорах в Стокгольме в 1649 году: «С царского величества стороны приезжают в королевского величества сторону попы и королевского величества подданных крестят в русскую веру тайно». Шведы угрожали, что «вперед такому делу молчати не будут — который поп приедет и учнет крестить в русскую веру, и они его не отпустят, тут его на рубеже и повесят»²⁴. В документах не удалось обнаружить случаи казни по распоряжению шведских властей пришедших с русской стороны священников. Может, угроза достигла цели, и такие переходы прекратились? Документы дают отрицательный ответ. Более того, в 1661 году шведские власти, возмущаясь, что русский поп и пономарь в очередной раз провели церковную службу на шведской территории, всего лишь отослали священнослужителей обратно в русские земли с требованием, чтобы «таким обычаем опять не приехали». Все же через короткий срок поп и пономарь «опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились», и у шведских подданных «дети крестили и людей венчали <...> и мертвых похоронили и обедню служили»²⁵.

Особенно болезненным для шведской стороны было крещение в православие детей: они были той категорией населения, которую значительно легче было обратить в лютеранскую веру, чем их родителей, имевших сложившиеся представления об истинности веры. В этой связи понятно пристальное внимание шведской администрации к устремлениям православ-

ных королевских подданных крестить новорожденных по православному обряду. Как видим, шведские власти так и не сумели пресечь систематические контакты собственных православных подданных с зарубежным духовенством.

Результат конфессионального противостояния в порубежных областях был следующим. В землях шведской Ингерманландии в первые десятилетия становления приграничья, в период с 1617 по 1650 год, число православных уменьшилось: в Ивангородском лене — с 91 до 65 %; в Ямском лене — с 98 до 82 %; в Нотебургском лене — с 63 до 36 %. В целом, к 1650 году православные в Ингерманландии составляли 57,3 против 41,6 % лютеран²⁶, и только после Русско-шведской войны 1656–1658 годов лютеране в Ингерманландии превзошли православных по численности²⁷. Одним из последствий этой войны стало укрепление положения православной церкви в Швеции²⁸, что подтверждается и реакцией шведского правительства на инициативы, направленные на ущемление прав православного населения. В 1660 году шведский чиновник Петер Антон Лофельдт предложил в ответ на предательство православных, оказавших во время войны поддержку русским войскам, отобрать у них в том числе религиозные привилегии. Однако правительство не пошло на радикальные меры. В Стокгольме было принято следующее компромиссное решение — необходимо пресечь проникновение священников из России, но в то же время нельзя «препятствовать им [православным] в их религии»²⁹.

* * *

¹ Толстиков А.В. Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации: соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М., 2004. Ч. 1. С. 132.

² Миронова О.Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 31–43.

³ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 71.

⁴ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 236–237.

⁵ Цит. по: Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 437–438.

⁶ Опарина Т.А. Брак и свобода веры: зависимость религиозного выбора британок в России первой половины XVII в. от их семейного статуса // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23. С. 81.

⁷ Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / сост. К. Якубов. М., 1897. Разд. 1. № 5. С. 82–83.

⁸ Селин А.А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 32–33.

⁹ Пересветов-Мурат А.И. Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие русские *vaijog`ы* // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 369–371.

¹⁰ Петрова М.И., Петров И.В. Тиурула — 500 лет: очерки истории // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Сев. Приладожья Т.А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы. Петрозаводск, 2007. С. 60–62.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

¹² Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 71.

¹³ Селин А.А. Шведская оккупация Ингерманландии и монастырское строительство в Новгородской земле // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской: материалы к чтениям. СПб., 1996. С. 85.

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 122.

¹⁵ Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 124.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

¹⁷ Толстиков А.В. Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика: фрагменты истории швед. культуры. М., 2006. С. 210–213.

¹⁸ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 591–592.

¹⁹ Цит. по: Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 118–119.

²⁰ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 261.

²¹ Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2002. С. 131.

²² Дела Тайного приказа. Л., 1926. Т. 4. Раздел 5. № 34. Стб. 432.

²³ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство... С. 67.

²⁴ Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / сост. К. Якубов. М., 1897. Раздел 2. № 2. С. 209.

²⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 5 об.

²⁶ Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 87.

²⁷ Толстиков А.В. Православное население Ингерманландии... С. 132.

²⁸ Августин (Никитин Д.Е.). Новгород Великий и Скандинавия // Богословские труды. М., 1990. Сб. 30. С. 187; Таркиайнен К. Финляндия: образ восточного соседа времен Московского царства // Россия и Финляндия: Проблемы взаимовосприятия, XVII–XX вв.: материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 56.

²⁹ Цит. по: Толстиков А.В. Русское православие в политике... С. 128.